

Наталья Васильевна Щерба

Сердце замка Форхедлин

Авторский текст <http://litres.ru/>

Аннотация

Сказка о мальчике, разгадавшем самую большую тайну мира.

Наталья Щерба

Сердце замка Форхедлин

В пустых и гулких комнатах замка гуляют сквозняки, широкие и мрачные галереи пугают безмолвием.

Обрывками мелькают тени в череде мутных зеркал, и моё сердце крошится осколками страха. Каскады свечей на люстрах не спасают: бледное мерцание безжизненных огоньков ещё более холодит душу.

Нет, я не боюсь. Замок Форхедлин мёртв – бездушный камень в позолоченных доспехах.

Тяжело вышагивает впереди молчаливый слуга, старый мавр в красно-золотой ливрее. Скоро я встречу с сумасшедшим хозяином этого замка, и он передаст мне право на наследие: красивую бумагу, украшенную фамильным гербом. Мне лишь недавно исполнилось тринадцать, но по закону я могу стать владельцем замка и принести своей семье неслыханный для простого ремесленника подарок... Да вот только я знаю, что уже никогда не вернусь домой.

Каждый год мэр нашего города выбирает одного юношу, который посетит прекрасный замок Форхедлин в полночь, чтобы встретить здесь первый рассвет лета. Такое условие поставил барон вместо тех сундуков золота, что привозят его немногословные слуги-мавры к Ратуше, ровно за неделю до назначенного дня. Люди поначалу роптали, но потом смирились. Что такое жизнь одного человека, принесённая в жертву ради безбедного существования сотен семей города? Да, люди смирились, а многие даже почитали хозяина Форхедлина за святого.

Поднимаясь по мраморной лестнице на второй этаж, я насчитал шестьдесят три ступени – какая длинная... Лица белых статуй скалятся в полутьме злорадными масками.

Нет, мне не страшно.

«Может, – уговариваю себя, – всё обойдётся?» Ведь я так мечтал побывать здесь, в этом замке, чьи башни, окружённые лесами гор, видны с главной площади нашего города – площади Святых.

Начищенный паркет гулко отражает мои несмелые шаги. Разноцветные куски стекла в окнах складываются в причудливые узоры, пугая уродливыми бликами.

Нет, я не хочу здесь быть!

А хозяин стар, безнадёжно стар. Спина его скрючена, будто груз прожитых лет притягивает к земле тощее обессиленное тело. Трясущиеся руки цепко ухватились за подлокотники высокого кресла-трона со спинкой в виде роскошного павлиньего хвоста. Узкий, высоколобый череп хозяина обтягивает сухая желтоватая кожа, нос свисает безобразной каплей над плотно сомкнутыми губами... И жёстко блестят чёрные провалы глаз из-под сморщенных мешочков век.

– Как тебя зовут? – слышу его неприятный, надтреснутый голос.

– Пауль Линдер, ваша светлость.

– Хорошо...

Я непроизвольно съёжился, словно желая уменьшиться под тяжёлым взглядом старика.

- Кто твой отец?
- Мой отец – пекарь, ваша светлость.

Тот самый пекарь, погрязший в долгах вместе со своей многодетной семьёй. Отцу простили долги и хорошо заплатили сверху за меня. Нет, я не осуждал его, он сделал как должно: поступился одним ради всех. Так правильно, так лучше, так всегда...

Меня долго везли верхом, с завязанными глазами, и лишь перед дверьми замка сняли повязку. Вспомни, Пауль, сколько раз ты мог наблюдать прекрасный таинственный Форхедлин издали и не мог отвести от него восторженных глаз, каждое утро, перед тяжёлой работой в отцовской пекарне. Так может, это судьба – оказаться здесь, пусть и в качестве подневольного, но всё же – гостя?

- Я слишком долго жду твоего ответа, сын пекаря!
- Крепко задумавшись, я не сразу сообразил, что хозяин вновь обращается ко мне.
- Простите, ваша светлость, но я...
- Я спрашиваю, какого размера был твой дом?! – рявкнул старик, синяя лицом от злости.

Мне не очень-то понравилось, что владыка Форхедлина употребил слово «был» в отношении нашего маленького домика на площади Святых... Как они там сейчас? Наверное, мама уже накрывает на стол, а отец неподвижно сидит возле печки, подкидывая сухие поленья. Он всегда так делал, когда в семье наступали плохие времена... Однако хозяин замка ждёт ответа.

- Мой дом не идёт ни в какое сравнение с вашим, сэр.
- Значит, ты не прочь остаться здесь, стать полноправным хозяином великолепного замка и навсегда забыть о той лачуге, где ты доселе обитал, сын пекаря?

Чуть помедлив с ответом, я, запинаясь, произнёс:

- Даже если мне выпадет такая честь, ваша светлость, в прежнем доме навсегда останется частичка моего сердца.

Внезапно сверху послышался глухой шум, нарастающий гул, толчки, и вдруг – треск и грохот! Рядом, всего в нескольких шагах, упала люстра: брызнули во все стороны бриллиантовые осколки, шипя и угасая, покатались восковые свечи; я еле-еле успел отскочить, прикрывая лицо руками.

- Дурной знак, сын пекаря, – тонкие губы старика растянулись в безобразной ухмылке.
- Я потрясённо задрал голову, но потолок, изукрашенный ангелами и нимфами, ответил моему напряжённому взгляду молчанием. Множество люстр, сияя мрачными огоньками, продолжало висеть, раскачиваясь на тонких золотистых шнурах, и по моей спине пробежал холодок.

– Скоро рассвет, – продолжил, между тем, старый хозяин. – Вот тебе, сын пекаря, первое и единственное пожелание... Всего лишь найти сердце Форхедлина, моего замка, его самую странную и удивительную часть. Но лишь до того, как алый диск солнца выглянет из-за полосы гор. По пути вверх внимательно разглядывай все комнаты, залы и галереи, лестницы и переходы... Как только разгадаешь – тут же станешь новым хозяином замка. Если нет – навеки обратишься в мрамор, дабы украсить собой Мраморную Залу... Там, где уже стоят навечно десятки твоих предшественников, не сумевших постичь, осмыслить и принять.

- Но разве у замка есть сердце?! – вырвалось у меня. – Он же каменный, мёртвый!
- Где-то хлопнули ставни, посыпалось стекло с цветных витражей, пригасли свечи на канделябрах.

– Эти часы укажут, сколько времени тебе осталось, Пауль Линдер, – спокойно молвил хозяин, и его слова тревожным эхом отозвались в моём сердце.

Руки старика, вдруг переставшие дрожать, протянули невесть откуда взявшиеся песочные часы. Очень красивые, сильно изогнутые стеклом, часы на бронзовых осях. Я

шагнул к трону, принимая их, и нечаянно перевернул ёмкости: тонкой струйкой посыпался золотистый песок. Машинально закрепил часы на поясе, привесив за бронзовое кольцо крышки – так будет удобнее.

Откуда-то взялся ветер, подхватил меня за ноги: даже как следует не успев испугаться, я очутился в ночном саду, перед квадратным бассейном, посреди которого сверкал и плескался, украшенный статуями, фонтан.

Сразу же за бассейном возвышалась таинственная громада Форхедлина. Три центральных окна верхнего этажа сияли весёлым светом, а две главных лестницы, ведущие к главному входу и расходящиеся полукругом, приветливо озарялись яркими огнями фонарей.

Я подумал и выбрал левую дорожку. Медленно пошёл, огибая затейливый бортик бассейна, украшенного вазами ядовито-пурпурных цветов. Внезапно забил фонтан – выпустил мощную струю воды, озаряясь дивным зеленоватым светом. Скульптуры задвигались, ожили, и я с изумлением увидел, как закружились над бассейном в хороводе золотые ангелы.

Я побежал по лестнице вверх и ворвался в центральные двери, гостеприимно распахнувшиеся перед самым моим носом. Следом влетели золотые ангелы и, кружась возле хрустальных канделябров, хором огласили:

– Музыкальная комната, господин!

Ещё недавно я брёл этой залой, пугаясь тёмной глубины зеркал, а теперь вдруг увидел многоцветные гобелены на стенах, мягкие красно-золотые диваны и богато украшенный музыкальный инструмент – фортепиано, скрипки и виолончели. Зеркала же предстали во всём блеске – в изящных золочённых рамах.

Но больше всего меня поразила фарфоровая статуя гордого павлина, возвышающаяся меж двух мраморных каминов. Он застыл в горделивой позе, напыщенно распустив великолепный пышный хвост. Много раз я слышал о дивной птице со ста глазами, и видел на рисунках маляров, но узреть воочию, прямо перед собой!

И павлин ожил, махнул сине-зелёным веером хвоста и вдруг издал хриплый, пронзительный звук. Тут же зазвучала странная, чарующая мелодия. Ангелы полетели дальше и я, разинув рот, поплёлся вслед за ними.

Мы прошли множество прекрасных и удивительных комнат, и каждый раз золотые ангелы оглашали их названия: Приёмная Гостевая Зала, Павлиний Кабинет, Зелёная Спальня... Мраморная Зала, заставленная бесчисленным множеством молчаливых статуй: проходя мимо застывших фигур из розового мрамора, я с содроганием думал что, возможно, скоро стану одним из них – тех, кто не смог постичь сердце Форхедлина.

За большим столом, украшенным всего лишь одной высокой фарфоровой вазой, сидела девочка. На длинных тёмных волосах красовался венок из голубых и белых цветов. Её большие светлые глаза внимательно рассматривали меня.

– Столовая! – огласили ангелы и, звонко рассмеявшись, бросились врассыпную.

Смутившись, я застыл у дверей: и здесь многочисленные зеркала отразили мою робкую фигуру в сиянии пугающе больших хрустальных канделябров. Но здесь огни светили помягче, казались специально приглушенными: их блики матово отражались в резных люстрах из слоновой кости и на пузатых боках бронзовых подсвечников, расставленных повсюду. Столовая выглядела по-особенному таинственной. Возможно, потому что здесь появилась эта странная девочка... Шумные ангелы куда-то улетели: воцарилась тишина, и лишь слышалось ехидное шипение воска, сползавшего со свечей.

– Хочешь есть? – неожиданно спросила девочка. Её голос показался мне очень грустным.

– Садись тогда, – девочка указала на один из бордовых плюшевых стульев с подушками, украшенными золотыми кистями.

Я кивнул, присаживаясь. Честно говоря, я устал от гнетущего великолепия замка и был рад поговорить с живой душой, кем бы она не была на самом деле.

Девочка, тем временем, хлопнула в ладоши и стол, тяжело ухнув, провалился вниз вместе с фарфоровой вазой.

– Как тебя зовут? – осмелился спросить я.

– Зови меня Флора, хорошо?

– Ладно, – я пожал плечами.

– Ты живёшь здесь? – вновь задал ей вопрос.

– Наверное, – девочка Флора неожиданно печально и глубоко вздохнула.

– А у тебя мало времени осталось, – продолжила она, бросая косой взгляд на часы.

Я тут же спохватился: песка в верхней ёмкости осталось всего лишь на треть. Подумать только, я продолжал держать часы в руках, исследуя комнаты замка, и ни разу не взглянул на них!

Под полом что-то залязгало, затрещало, и перед нами вновь появился стол, наверняка поднимаемый неким неведомым механизмом. Теперь на столе красовалась золотая скатерть со множеством серебряных блюд, из-под крышек которых поднимались немыслимые ароматы.

Чудовищным усилием я заставил себя подняться со стула и оторвать взгляд от еды.

– Мне надо найти самую высокую башню до рассвета, а ещё – разгадать загадку хозяина. Некогда пировать.

Едва заметная улыбка тронула губы девочки.

– Я очень хочу, чтобы ты разгадал загадку, Пауль Линдер, – сказала Флора.

Помолчав, девочка глубоко вздохнула. – Но совсем не уверена, что ты приблизился к раскрытию тайны.

Лишь только я выбежал в коридор, вновь появились золотые ангелы, но их личики, ещё недавно такие весёлые и озорные, стали совсем другими – горестными и скорбными.

– Зеркальная Зала, последняя! – огласили они похоронными голосами, и в моё сердце вновь прокрался страх. Не сразу я заставил себя перешагнуть через порог дивного помещения.

Зеркальная Зала казалась поистине бесконечной, и свет тысячи свечей с множества люстр и канделябров, казалось, вертится огненными спиралями в пространстве, отражаясь в неимоверном обилии зеркальных панелей. Пол украшала мозаика, наверное, составленная из нескольких миллионов разноцветных блестящих камешков: казалось, я иду по настоящему ковру из живых цветов.

И вдруг я увидел себя – встретился глазами со своим отражением. Моё лицо выглядело каким-то осунувшимся, а глаза – полубезумными, с тревожными огоньками на дне зрачков. И вдруг отражение криво ухмыльнулось и состроило мне рожицу.

– Ищи в глубине, – сказала мне зеркальное «я». – Ты никогда не узнаешь, где сердце замка, если будешь пялиться на то, что снаружи.

Дико заорав, я бросился вон из чудной залы, и преследовало меня до самых дверей моё же зеркальное отражение.

Ноги сами понесли вверх, по крутой винтовой лестнице, и знал я, что бегу в правильном направлении, лишь старался не смотреть на бронзовые часы, болтающиеся на поясе.

Хозяин уже поджидал, опираясь на палку. Он окинул меня задумчивым взглядом.

– Время истекло, – грозно произнёс он. – Говори же, Пауль Линдер, сын пекаря! Где, по-твоему, сокрыто сердце замка?

Мои мысли путались, лихорадочно и бессвязно, закрывая собой ту, единственно правильную. Я не был уверен в ответе.

– Наверное, – медленно начал я, – самое необычное место – статуя павлина в Музыкальной Зале... Никогда я не видел более диковинной птицы! Может, где-то там и сокрыто сердце Форхедлина.

Я чувствовал, что ошибся и, судя по злобной ухмылке, расплзавшейся на уродливом лице Хозяина, это было именно так.

– Тогда – Зеркальная Зала! Нет, Столовая... О боже!

Старик расхохотался, и его смех был подобен грому Зевса, карающего и справедливого бога.

И тогда я упал на колени.

– Может быть, я не прав! – выкрикнул и, запинаясь, продолжил, – но... но замок жив, если в него верят люди. Я бродил по прекрасным залам, восхищаясь увиденным великолепием, я думаю, что даже разговаривал с его душой... Не знаю и не ведаю, где сердце замка, но уверен, что покуда я жив, Фордхелин навсегда останется в моём сердце!

И в горячем порыве я поцеловал холодные каменные плиты.

Розовые лучи осветили прекрасный сад, заиграли на золоте статуй, отразились в цветных витражах узких окон. Я поднял голову, ожидая смертельного удара Хозяина и замер.

Хозяин пошатнулся, схватился за голову и, глухо рыча, тоже упал на колени.

– Когда-то мой отец совершил непростительное дело, сын пекаря... – глухо произнёс он, закрыв лицо руками. – Он нанял много рабочих, чтобы выстроить Форхедлин. Работы закончились, когда мне исполнилось шестнадцать – чуть больше, чем тебе сейчас. Но мой отец тяжело заболел и на смертном одре выказал последнее желание: любить этот замок и верить в него с такой же силой, как и он. Но я знал, что как только смогу, обязательно уеду отсюда... Видишь ли, сын пекаря, я воспитывался в столице, был молод и красив, и жаждал вновь окунуться в радости придворной жизни. Отец почувствовал мою лживость и проклял меня: я не могу уехать из замка, пока кто-нибудь не поверит в Форхедлин не только глазами или расчётливым умом, но и сердцем. Простым человеческим сердцем.

Ведь покуда верит кто в красоту и совершенство каменных стен, до тех пор замок и продолжает жить... Теперь я свободен, ибо с этого мгновения ты – полноправный хозяин Форхедлина.

И старик исчез.

...Передо мной возвышалась мраморная статуя грозного бога.

И больше никого не было.

Моя рука крепко сжимала толстый свиток с красивой гербовой печатью, и я решительно не знал, что же делать.

Пожалуй, сначала я съем что-нибудь в чудесной Столовой.

А после широко распахну двери и ворота Форхедлина, открывая их навстречу людям, чтобы прекрасный замок навеки поселился и продолжал жить во множестве сердец.